

ПЕРМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ТРИ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

(1, 11 и 21 ч.).

№ 19.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой ШЕСТЬ рублей.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣд. при Братствѣ св. Стефана.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ Пермской Духовной Консисторіи о возвращеніи Его Преосвященства въ г. Пермь изъ г. Казани. Перемены по епархіальной службѣ. Праздныя мѣста. Списокъ воспитанницъ Пермскаго Епархіальнаго женскаго училища, составленный по окончаніи 1909—1910 уч. года.

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Палладій, Епископъ Пермскій и Соликамскій, въ лѣтніе мѣсяцы принимаетъ просителей и лицъ, желающихъ представиться и получить благословеніе, въ Архіерейскомъ домѣ по ВТОРНИКАМЪ и ПЯТНИЦАМЪ съ 11-ти до 2-хъ часовъ дня.

ОТЪ ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРІИ.

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Палладій, Епископъ Пермскій и Соликамскій, 27 сего Іюня возвратился въ г. Пермь изъ повѣздки въ г. Казань для участія въ засѣданіяхъ миссіонерскаго съѣзда.

Перемены по епархіальной службѣ.

Исключается изъ списковъ за смертью діаконъ, состоящій на псаломнической ваканціи при церкви села Сергіевскаго, Соликамскаго уѣзда, Леонидъ Посохинъ, съ 9 Іюня.

П р а з д н ы я н ѣ с т а .

Священническія при церквахъ: Артинской Красноуфимскаго у.; Кочевской Чердынскаго у.; Ашанскэй Осинскаго у.; Спасо-Бардинской Кунгурскаго у.; Оханскомъ соборъ; Курашмской единовѣрческой Пермскаго у.; Дворецкой Оханскаго у.; Висимской Пермскаго у.; Кленовской Оханскаго у. (1-я вакансія); Шемахинской единовѣрческой Красноуфимскаго у.; Юговскомъ соборъ Пермскаго у. (1-я вакансія).

Діаконскія при церквахъ: Говорливской Чердынскаго уѣзда (былъ священникъ); Серебрянской Кунгурскаго у. (былъ свящ.); Верхъ-Иньвенской Соликамскаго у.; Усть-Гаревской Пермскаго у.; Кріулинской Красноуфимскаго у. (былъ свящ.); Верхъ-Юсьвенской Соликамскаго у. (былъ священникъ); Сылвенской Красноуфимскаго у. (былъ свящ.); Ясылъской Осинскаго у. (былъ священникъ); Лимежской Чердынскаго у.; Ошибской Соликамскаго у. (былъ свящ.).

Псаломщическія при церквахъ: Пермской мужской гимназіи (былъ діак.); Стефановской единовѣрческой Осинскаго у.; Рождественской Оханскаго у. (былъ діаконъ); Спасо-Бардинской Кунгурскаго уѣзда; заводо-Суксунской Красноуфимскаго у. (1-я вакансія); Дмитриевской Соликамскаго у.; Молебской единовѣрческой Красноуфимскаго у.; Красноуфимскомъ соборъ (былъ діаконъ); Сылвенской Кунгурскаго у.; Вознесенской единовѣрческой Оханскаго у.; Кизвенской Оханскаго у. (былъ діаконъ); Дубровской православной Осинскаго уѣзда (былъ діаконъ); Гамовской Пермскаго у. (былъ діаконъ); Подслуднинской Соликамскаго у.; Сергіевской Соликамскаго у. (былъ діаконъ).

Просфорническія при церквахъ: Зырянской Соликамскаго у.; Михайловской Красноуфимскаго у.; Туюно-Озерской Красноуфимскаго у.

СПИСОКЪ ВОСПИТАНИЦЪ ПЕРМСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА, СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ОКОНЧАНІИ 1909—1910 УЧЕБНАГО ГОДА.

І-Й К Л А С С Ъ .

Переводятся во II классъ: 1) Попова Раиса, Толшмякова Ольга, Иваницкая Надежда, Спасская Зинаида, 5) Виноградова Марія, Курочкина Елена, Затопляева Юлія, Серебренникова Александра, Морозова Елизавета, 10) Мышкина Ольга, Исполлатова Софія, Ситникова Алевтина, Бажукова Лидія, Ганимедова Ольга, 15) Грамолина Любовь, Быстрыхъ Наталія, Лукина Елена, Ташкинова Вѣра, Съдыхъ Марія, 20) Порошина Надежда, Будрина Лидія, Брюханова Ольга, Попова Лидія, Шутова Евдокія, 25) Страмковская Екатерина, Хлынова Серафима, Польшгалова Клавдія, Антипина Вѣра, Тренина Алевтина, 30) Южакова Ольга, Соколова Евгенія.

II-й К Л А С С Ъ.

Переводятся въ III классъ: 1) Попова Евгения, Попова Елизавета, Исполлатова Екатерина, Маркова Елена, 5) Пикулева Анна, Сильвестрова Марія, Бабица Юлія, Попова Марія, Овсянова Зинаида, 10) Калачникова Елена, Корватовская Вѣра, Удницева Евгения, Лебедева Надежда, Яковкина Елена, 15) Попова Анна, Оболенская Марія, Антипина Елена, Грамолина Галина, Гареvская Юлія, 20) Флерова Ксения, Луцанина Нина, Нарциссова Александра, Павловская Таисія, Колюхова Лидія, 25) Семенова Анна, Шувалова Вѣра, Павлинова Елизавета, Коровина Клавдія, Бѣлоусова Раиса, 30) Побѣдоносцева Людмила, Смышляева Вѣра.

Имѣють держать переэкзаменовки въ августѣ мѣсяцѣ: Груздева Марія—по ариѳметикѣ; Богоявленская Марія, Диковская Татіана, 35) Дягилева Марія, Затошляева Надежда, Наумова Нина—по русскому языку письменному; Варушкина Агнія—по ариѳметикѣ и исторіи.

Оставляются въ томъ же классѣ: Нарциссова Елизавета—по болѣзни и прошепнію отца, 40) Латкина Раиса—по малоуспѣшности.

III-й К Л А С С Ъ О С Н О В Н О Й.

Переводятся въ IV классъ: 1) Мичкова Александра, Наумова Александра, Канкановская Анна, Курганова Зинаида, 5) Молчанова Зинаида, Дроздова Алла, Бѣлозерова Лидія, Матросова Александра, Первущина Елизавета, 10) Пономарева Зоя, Киселева Анна, Пономарева Зинаида, Ситникова Нина, Калачникова Елена, 15) Варушкина Людмила, Павлинова Раиса, Воскресенская Нина, Задорина Ольга, Боголюбова Елизавета, 20) Успенская Марія, Подосенова Александра, Шардакова Юлія, Подосенова Антонина, Молчанова Надежда, 25) Сыромятникова Марія, Посохина Александра, Позднякова Елизавета.

Имѣють держать переэкзаменовки въ августѣ мѣсяцѣ: Броначева Афанасія, Москвина Зоя, 30) Попова Нина—по русскому языку—письменному.

Оставляются въ томъ же классѣ: Иванова Валентина—по малоуспѣшности; 32) Шерстобитова Софія—по болѣзни.

III-й К Л А С С Ъ П А Р А Л Л Е Л Ь Н Ы Й.

Переводятся въ IV классъ: 1) Страмковская Александра, Отева Зоя, Желинина Ольга Кратирова 1-я, 5) Брюханова Лидія, Мамина Екатерина, Дягилева Платонида, Посохина Екатерина, Бѣльтюкова Вѣра, 10) Елисѣева Таисія, Мелехина Марія, Удницева Надежда, Попова Екатерина, Собянина Марія, 15) Бабина Вѣра, Куклица Елена, Вечтомова Марія, Кузнецова Людмила.

Имѣють держать переэкзаменовки въ августѣ мѣсяцѣ: Бѣляева Вѣра, 20) Князева Анастасія, Тиунова Марія—по русскому языку—письменному; Колокольникова

Ольга—по русскому языку устному и письменному, Чечулина Вѣра—по арифметикѣ, Кратирова Нина—по исторіи, 25) Быстрыхъ Александра—по географіи, Окулова Нина—по русскому языку письменному и географіи.

Оставляются въ томъ же классѣ: Габова Александра, Попова Анна—по малоуспѣшности.

Увольняются изъ училища: Бирюкова Анна—по неявкѣ въ училище, 30) Логинскихъ Вѣра, 31) Посохина Нина—по прошенію отца.

IV-й КЛАССЪ ОСНОВНОЙ.

Переводятся въ V классъ: 1) Серебrenникова Нина, Иванова Юлія, Курочкина Елизавета, Попова Ольга, 5) Иваницкая Анна, Попова Елизавета, Троицкая Леонилла, Суетина Марія, Глумова Анна, 10) Мамина Лидія, Никулина Екатерина, Хлынова Александра, Луканина Зинаида, Шилова Нина, 15) Будрина Зинаида, Конюхова Таисія, Ганимедова Марія, Варушкина Нина, Будрина Людмила, 20) Первушина Ольга, Подосенова Екатерина, Лебедева Нина, Палладина Вѣра, Холмогорова Таисія, 25) Хлѣбутина Лидія, Мышкина Клавдія, Шардакова Марія.

Имѣютъ держать переэкзаменовки въ августѣ мѣсяцѣ: Калачникова Вѣра—по русскому языку письменному и арифметикѣ, Любимова Ольга—по арифметикѣ, 30) Первушина Вѣра—по арифметикѣ и географіи.

Оставляются въ томъ же классѣ: Мухина Анеія—по прошенію отца и по болѣзни.

Увольняются изъ училища: Ефимовская Елена, 33) Конюхова Нина—по прошенію родителей.

IV-й КЛАССЪ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ.

Переводятся въ V классъ: 1) Любимова Наталія, Конюхова Клавдія, Некрасова Лариса, Серебrenникова Лариса, 5) Башинцева Надежда, Харина Нина, Иванцева Августа, Шастина Ариадна, Полякова Анастасія, 10) Мелехина Клавдія, Дягилева Александра, Казакова Марія, Иноземцева Лидія, Ермолина Марія, 15) Базанова Клавдія, Подосенова Александра, Будрина Любовь, Серебrenникова Нина, Тиунова Вѣра.

Имѣютъ держать переэкзаменовки въ августѣ: 20) Бѣлова Клавдія—по исторіи, Морозова Ироида—по Закону Божію, Буторина Антонина—по арифметикѣ, Ермолина Анна—по русскому языку письменному и исторіи.

Увольняются изъ училища: Войтяхова Александра—по неявкѣ въ училище, 25) Горюнова Киріена—по прошенію отца.

V-й КЛАССЪ ОСНОВНОЙ.

Переводятся въ VI классъ: 1) Бирюкова Анна, Мичкова Марія, Носкова Пелагія, Попова Ольга, 5) Спасская Надежда, Будрина Агнія, Бажукова Зоя, Яцыно Зоя,

Носкова Екатерина, 10) Троицкая Елизавета, Южакова Валентина, Синайская Аптонина, Дагилева Екатерина, Котлецова Галина, 15) Гаревская Ольга, Антипина Галина, Бабина Александра, Палладина Елизавета, Тетюева Милица, 20) Троицкая Екатерина, Первушина Анна, Бирюкова Антонина, Воскресенская Ольга, Яковкина Анна, 25) Бояршинова Марія, Луканина Руффина, Варушкина Ольга, Коровина Анна, Варушкина Александра.

Имѣють держать переэкзаменовки въ августъ мѣс.: 30) Луканина Людмила—по исторіи литературы, Порфирьева Клавдія—по сочиненію.

Оставляется въ томъ же классѣ: 32) Панькова Александра—по болѣзни.

У-й КЛАССЪ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ.

Переводятся въ VI классъ: 1) Попова Екатерина, Маляхинская Юлія, Оболенская Нина, Гаревская Елизавета, 5) Позднякова Вѣра, Извольская Марія, Калашникова Александра, Шестакова Анна, Тотьянина Елизавета, 10) Гаревская Августа, Шардакова Лидія, Корнилова Марія, Затопляева Вѣра, Федосьева Нина, 15) Бѣлозерова Зоя, Славнина Анастасія, Бердникова Александра, Калачникова Милица, Денисова Валентина, 20) Троица Клавдія, Некрасова Анемаиса, Луканина Татіана, Чечулина Ольга, Луканина Евстоія, 25) Попова Марія, Затопляева Ольга, Попова Лидія.

Имѣеть держать переэкзаменовки въ августъ мѣс.: Попова Людмила—по сочиненію и математикѣ.

Оставляются въ томъ же классѣ: Варушкина Таисія—по прошенію отца и по болѣзни, 30) Липина Лариса—по прошенію отца и по болѣзни.

Увольняются изъ училища: Новосельская Наталія—по малоуспѣшности, 32) Славнина Александра—по прошенію отца.

VI К Л А С С Ъ.

Окончили полный курсъ и удостоены полученія аттестатовъ: 1) Алексѣева Надежда, Баталова Марія, Бѣляева Агнія, Вечтомова Александра, 5) Ганимедова Іулія, Горбунова Нина, Грамолина Софія, Девятыхъ Анна, Дагилева Ольга, 10) Ивохина Зинаида, Калачникова Юлія, Киселева Лидія, Конохова Елизавета, Конохова Клавдія, 15) Коровина Вѣра, Лебедева Ардіана, Лузина Анна, Любимова Марія, Мальцева Евгенія, 20) Мелехина Ольга, Нарцисова Вѣра, Остроумова Марія, Пономарева Лидія, Попова Галина, 25) Попова Евстоія, Савелова Лидія, Серебренникова Надежда, Стражковская Марія, Тимшина Елизавета, 30) Тимшина Ольга, Удищева Марія, Удищева Таисія, Чечулина Лидія, Шилова Лидія.

Имѣеть держать экзамены по болѣзни въ августъ мѣсяцъ по всемъ предметамъ: 35) Пикулева Любовь.

Имѣють держать переэкзаменовки въ августъ мѣсяцъ: Варушкина Надежда—по географіи и физикѣ, Окулова Манеѳа—по сочиненію.

Редакторъ, и. д. Секретаря Пермской

Духовной Консисторіи Петръ Зеленовъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

МУЗЫКА возвышенная, какъ выразительница лучшихъ душевныхъ чувствованій, всегда имѣла и имѣетъ громадное значеніе въ жизни человѣка. Кому, какъ не музыкѣ, дана чудная власть пробуждать въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, настраивать душу, обогащая ее духовными чувствами и впечатлѣніями. Трудно найти человѣка, которому не хотѣлось бы въ минуты радости, тоски и печали излить въ музыкѣ волнующія чувства, отрѣшиться на время отъ низменнаго дола и забыться то въ величаво-торжественныхъ, то въ грустно-минорныхъ аккордахъ, вознестись душою въ чистый міръ идеальнаго добра, гармоніи и красоты...“

(„Кормчій“ 29 янв. 1900 г.)

ЛУЧШІЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ХОРОВЫХЪ СПѢВОКЪ, ДЛЯ ДУХОВНОЙ И СВѢТСКОЙ МУЗЫКИ

ФИСГАРМОНІИ

СВОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ (амер. сист.) и лучш. заграничн. фабр. **КАРПЕНТЕРЪ, ШИДМАЕЙРЪ**
въ 90, 100, 130, 150, 165, 190, 240, 275 руб. и дороже

Рояли и Піанино

отъ 600 руб.

отъ 375 руб. и дор.

Граммофоны-Тонармъ

новѣйшихъ моделей въ 18, 20, 25, 35, 55, 75 руб. и дороже.

ПЛАСТИНКИ свѣтскаго и духовнаго содержанія въ большомъ выборѣ.

ДУХОВНЫЕ ХОРЫ—Чудовской, Синодальный, Архангельскаго, Васильева и др.

Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ № 61 и каталоги пластинокъ—**БЕЗПЛАТНО**

Для лицъ духовнаго званія допускается разсрочка платежа.

Юлій Текрихъ Циммермахъ.

МОСКВА, Кузнецкій м., д. Захарьина. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 34.

РИГА, Сарайная, 15.

При заказѣ или запросѣ прошу ссылаться на это объявленіе.

Пермскія Епархіальныя Вѣдомости

1 Юля

№ 19.

1910 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ОКОНЧАНИЕ ЭКЗАМЕНОВЪ ВЪ ПЕРМСКОМЪ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ ЖЕНСКОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Въ субботу, 29 Мая, въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ былъ послѣдній экзамень—по дидактикѣ въ VI кл., а 31 Мая торжественно отслуженъ молебенъ для воспитанницъ, окончившихъ нынѣ курсъ. Дни эти—сами по себѣ всегда знаменательные, какъ дни выпуска изъ училища на трудовую народную ниву новыхъ образованныхъ дѣятелей, нынѣ прошли особенно торжественно и трогательно. Училище глубоко благодарно за это Преосвященнѣйшему Владыкѣ Палладію, который удостоилъ училище посѣщеніемъ и своимъ Богослуженіемъ, словомъ и просто своимъ личнымъ присутствіемъ украсилъ ежегодный училищный праздникъ выпуска окончившихъ курсъ воспитанницъ. За всѣ 19 лѣтъ своего существованія Пермское Епархіальное женское училище нынѣ въ первый разъ еще имѣло счастье видѣть на этомъ праздникѣ своего Архипастыря.

29 Мая Владыка прибылъ въ училище въ 12 час. дня и встрѣченный корпораціей и воспитанницами VI кл. прослѣдовалъ на экзамень, гдѣ выслушалъ отвѣты половины класса. По окончаніи экзамена, Его Преосвященство принялъ участіе въ совѣщаніи экзаменаціонной комисіи при выставленіи балловъ,—при чемъ извоилъ выразить полное одобреніе отвѣтовъ воспитанницъ, замѣтивъ, что «знанія изъ предмета онѣ имѣютъ всѣ прекрасныя; разница только въ томъ, что однѣ свободно излагаютъ свои мысли, а другія затрудняются въ изложеніи ихъ. Это замѣтно было и по Закону Божію» (на экзамень 5-го Мая Владыка также присутствовалъ). Въ то-же время Владыка просмотрѣлъ всѣ аттестаты оканчивающихъ курсъ и по поводу этого выразилъ пожеланіе, чтобы при выводѣ общаго балла по Закону Божію всегда принималось во вниманіе и отношеніе къ церкви, къ молитвѣ и вообще религіозно-правственная настроенность воспитанницы.

Затѣмъ Владыка въ сопровожденіи корпораціи снова вышелъ къ собравшимся въ залѣ воспитанницамъ, остановился около стола съ приготовленными на немъ Евангеліями, и обратился къ нимъ съ великолѣпнымъ архипастырскимъ словомъ на-

ставленія. Поздравивши воспитанницъ съ окончаніемъ курса, Преосвященный говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Такъ прекрасно окончили вы экзамены въ училищѣ. Желая отъ души также прекрасно выдержать и экзаменъ жизни, который теперь ожидаетъ васъ впереди и который далеко не то, что школьный экзаменъ. Жизнь испытаетъ ваши знанія, ваши силы и способности и укажетъ каждой свое мѣсто. А далѣе наступитъ время и окончательнаго для каждаго человѣка экзамена жизни—это праведный Божій судъ, на которомъ мы всѣ должны будемъ дать отчетъ не только въ дѣлахъ своихъ, но даже въ каждомъ словѣ... Чтобы вамъ на экзаменѣ жизни стать непостыдно, не быть безответными, надо чаще читать вотъ эту Священную Книгу; чаще провѣрять свою жизнь—согласна-ли она съ Евангеліемъ; не противорѣчатъ ли Христову ученію наши дѣла и желанія... Пусть это будетъ для васъ первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ въ жизни. Поэтому примите эту книгу отъ училища не какъ формальный даръ, но какъ даръ, котораго вы желаете себѣ всею душою... Тогда, я увѣренъ, вы будете лучшими христіанками, лучшими дѣятелями въ семьѣ и на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности.»

Далѣе Владыка въ своемъ словѣ широко и съ чисто отеческою любовію изобразилъ передъ юными слушательницами свои архипастырскія мысли и мечты о томъ, какъ хорошо бы видѣть окончившихъ курсъ Епархіальнаго училища добрыми труженниками въ церковной школѣ, усердными работницами въ церковно-приходскихъ совѣтахъ, попечительствахъ. Пожелавши воспитанницамъ всякаго возможнаго на землѣ счастья, Его Преосвященство каждую изъ нихъ благословилъ, каждой далъ Евангеліе и на память отъ себя лично по три брошюрки «отъ прежнихъ трудовъ своихъ».

Воспитанницы сердечно благодарили Владыку за его любовь къ нимъ и вмѣстѣ съ корпораціей училища выразили свое прежнее желаніе и искреннюю просьбу, чтобы Его Преосвященство осчастливилъ ихъ служеніемъ молебна.

Съ большимъ воодушевленіемъ ожидало училище своего Архипастыря 31 Мая на молебенъ. Владыка пріѣхалъ въ 11 часу дня. Настроеніе всѣхъ было самое жизне-радостное. Торжественный молебенъ, совершенный архіерейскимъ служеніемъ, пропѣтъ былъ окончившими курсъ съ большимъ подъемомъ духа. Сослужащими Владыкѣ были:—о. Ключарь Каѳедральнаго Собора, о. Инспекторъ классовъ училища и Члены Совѣта—священники: о. Н. Удинцевъ и о. Н. Ашихминъ. Кромѣ училищнаго о. діакона, въ служеніи молебна участвовалъ и. д. протодіаконъ о. Оленевъ, возгласившій въ концѣ богослуженія торжественное многолѣтіе.

Разоблачившись, Владыка сказалъ воспитанницамъ еще одно пожеланіе, чтобы онѣ больше читали Богослужебныя книги. Эта область церковной поэзіи мало извѣ-

стна, а между тѣмъ она полна глубокаго содержанія. «Въ Богослужебныхъ книгахъ вы найдете исторію Церкви (въ минеяхъ) и цѣлое богатство художественныхъ образовъ, посредствомъ которыхъ святые поэты-подвижники изложили высокія истины спасительной христіанской вѣры. Я часто читаю въ греческомъ подлинникѣ эти книги и наслаждаюсь. Если и вы ближе познакомитесь съ ними, то найдете здѣсь для себя много духовнаго утѣшенія.»

Затѣмъ предложенъ былъ чай, послѣ котораго Владыка всѣхъ благословилъ и, выражая свои благожеланія воспитанницамъ, между прочимъ обѣщалъ имъ: «Скажу всѣмъ о.о. Предсѣдателямъ Отдѣлений Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, чтобы они вамъ предоставили лучшія свободныя мѣста учительницъ въ церковныхъ школахъ, какъ лицамъ, получившимъ законченное среднее образованіе. Вы имѣете въ данномъ случаѣ полное право и несомнѣнное преимущество предъ другими кандидатами, имѣющими нерѣдко свидетельства только за три, за два класса средняго учебнаго заведенія.»

Въ 1 часу дня, при многократномъ пѣніи *εις πολλὰ* ... Его Преосвященство уѣхалъ изъ училища.

Всѣ, видѣвшіе въ эти дни въ Епархіальномъ училищѣ Преосвященнѣйшаго Архипастыря, надолго сохранить въ себѣ оч. много самыхъ лучшихъ впечатлѣній, вынесенныхъ отъ личности искренняго, высоко-просвѣщеннаго, любящаго духовное юношество Святителя.

СОЦІАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Ф. М. Достоевскій въ своихъ сочиненіяхъ неоднократно касается большого въ наше время соціальнаго вопроса, который и въ его время успѣлъ уже обрисоваться во весь ростъ предъ умственнымъ взоромъ всѣхъ мыслящихъ людей. Вниманіе Достоевскаго было всецѣло приковано къ вѣковому бичу человѣчества—голоду; онъ не жалѣетъ красокъ для изображенія человѣческихъ страданій, вырастающихъ на почвѣ экономической необезпеченности, причемъ характерную особенность Достоевскаго составляетъ то, что его занимаютъ не столько физическія страданія людей, сколько страданія душевныя, а главное, являющееся обыкновеннымъ слѣдствіемъ нищеты, искаженіе въ челоѣкѣ образа Божія. Съ особенною силою Достоевскій вооружается противъ основнаго направленія современной ему жизни, превращающей челоѣка въ простое орудіе для наиболѣе успѣшнаго развитія торговли и промышленности. Описывая впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ посѣщенія Лондона, Достоевскій говоритъ, что громадный, вѣчно вятущійся городъ окончательно убѣждаетъ его въ правильности

усвоеннаго имъ воззрѣнія на смыслъ развертывающейся предъ его глазами человѣческой жизни. «Вы чувствуете, пишетъ онъ, страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра, во едино стадо... вы чувствуете, что тутъ что то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ будто начинаете бояться чего то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего то становится страшно. Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно несущихъ сюда со всего земного шара, людей, пришедшихъ съ одной мыслью, тихо, упорно и молча тѣснящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что то окончательно совершилось, совершилось и закончилось. Это какая то библейская картина, что то о Вавилонѣ, какое то пророчество изъ апокалипсиса, воочию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобы не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала». Въ этой жизни доминирующую роль играютъ промышленность, торговля, фабрики, человѣкъ уже является здѣсь не болѣе какъ покорнымъ рабомъ этого вишняго строя. Описываемый далѣе «Шабашъ бѣлыхъ негровъ», служитъ яркимъ дополненіемъ только что нарисованной картины лондонской жизни. «Ночью по субботамъ,—продолжаетъ Достоевскій,—полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются, какъ море, по всему городу... и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, то есть ваѣдаются и напиваются, какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльные экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно багъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ. Все пьяно, но безъ веселія, а мрачно, тяжело, и все какъ то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣе торопится напиться до потери сознанія. Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними». «Когда проходитъ ночь и начинается день,—дорисовываетъ Достоевскій картину лондонской жизни,—тотъ же гордый, мрачный духъ снова царственно проносится надъ неполиненнымъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что видитъ кругомъ себя днемъ, не тревожится и тѣмъ, что было ночью. Вааль царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ».

Здѣсь Достоевскій съ удивительной силой отгѣнилъ, характеризующее современную жизнь, подавленіе человѣческой личности, превращеніе человѣка въ простое орудіе для наибольшаго процвѣтанія промышленности, для накопленія милліоновъ, отгѣнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, являющееся естественнымъ слѣдствіемъ такого направленія жизни,

искаженіе въ человѣкѣ образа Божія. Между тѣмъ достоинство человѣческой личности, ея чистота, были до безконечности дороги Достоевскому, поэтому онъ всей душой протестуетъ противъ общаго характера современной ему жизни, а предъ его умственнымъ взоромъ предносится иное общество, въ которомъ бы человѣкъ оставался человѣкомъ, не превращаясь въ раба виѣшняго порядка. Здѣсь Достоевскій встрѣтился съ социализмомъ, который также стремится къ пересозданію общественной жизни на новыхъ началахъ; однако Достоевскій не принялъ социалистическаго ученія, а, напротивъ, подвергнулъ его гнательной и уничтожающей критикѣ.

Характерную особенность социализма составляетъ его рационализмъ, вѣра во всемогущество человѣческой мысли.

Господствовавшія въ половинѣ XIX столѣтія на Западѣ социальныя ученія Сенъ-Симона и Фурье «были проникнуты,—по замѣчанію Туганъ-Барановскаго,—прямо трогательнымъ по своей наивности довѣріемъ къ разуму человѣка». Соціалисты «придумывали новый общественный строй, какъ механикъ изобрѣтаетъ новую машину. Она вѣрила въ превосходство своихъ изобрѣтеній предъ всякими другими и для примѣненія этихъ изобрѣтеній на практикѣ, для переустройства всего человѣчества на новыхъ началахъ оставался только суцій нустякъ: растолковать неумнымъ и невѣжественнымъ людямъ, какъ хорошо имъ будетъ житься при новыхъ условіяхъ».

Другою основною чертою социализма является его антихристіанскій, атеистическій характеръ. «Социализмъ,—говоритъ Достоевскій,—есть не только рабочій вопросъ, или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской башни, строящейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю». «Социализмъ имѣетъ задачей разрѣшеніе судебъ человѣчества уже не по Христу, а виѣ Бога и виѣ Христа, и долженъ былъ зародиться въ Европѣ естественно взамѣнъ упавшаго христіанскаго въ ней начала».

Отрицавъ бытіе Бога, бытіе духовнаго міра, признавая существованіе только того, что можетъ быть предметомъ чувственнаго познанія, социализмъ, естественно, чуждается возвышенныхъ идеаловъ, и всѣ стремленія его, всѣ задачи его проникнуты грубо матеріальнымъ характеромъ. Конечною цѣлью преобразовательныхъ чаяній этого ученія является матеріальное благополучіе человѣчества. Сообразно этому социалисты рассматриваютъ человѣка лишь какъ агрегатъ физиологическихъ функцій, о духовной же сущности человѣческаго существа они совершенно забываютъ. Условіемъ такой взглядъ на человѣка, социалисты приходятъ къ тому выводу, что для полнаго счастья человѣку достаточно удовлетворять свои чувственныя страсти. Первое

условіе удоблетворенія матеріальнихъ страстей составляетъ богатство. Однако накопленіе богатства еще не обезпечиваетъ установленія на землѣ соціального рая; необходимо еще равномерное распределеніе богатства между людьми; иначе богатства могутъ сосредоточиться въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, которыя и будутъ купаться въ матеріальномъ благополучіи за счетъ другихъ членовъ общества, ибо человекъ, по ученію социализма, всегда и во всемъ руководится исключительно соображеніями своей выгоды. Все зло современной жизни, говорятъ социалисты, заключается въ томъ, что интересы отдѣльныхъ людей находятся въ антагонизмѣ, слѣдовательно, стоитъ только установить такой общественный строй, при которомъ интересы индивидуумовъ будутъ совпадать и вражда между людьми исчезнетъ, ихъ взаимныя отношенія будутъ проникнуты братской любовью, и тогда на землѣ водворится социалистическій рай. «Всѣ будутъ жить (тогда),—говоритъ Фурье,—въ роскошныхъ дворцахъ, будутъ кушать избранныя кушанія по пяти въ день и пить при этомъ самыя тонкія вина; въ промежутки между ѣдой для забавы немного порабатають. При такомъ образѣ жизни люди будутъ въ семь футовъ вышины и въ среднемъ будутъ жить по сто сорока лѣтъ. Люди будутъ жирны и, слѣдовательно, не такъ плодовиты, чѣмъ предотвращается перенаселеніе... Бмѣсто безотрадной, пожирающей человека философіи, создастся другая, расточающая «наслажденіе наука—гастрософія, т. е. искусство ѣсть»...

Таковы идеалы и таково въ общихъ чертахъ ученіе социализма.

Достоевскій прежде всего останавливается на утвержденіи социалистовъ, что стимуломъ всей человѣческой дѣятельности является выгода. Онъ убѣдительно доказываетъ произвольность такого воззрѣнія социалистовъ на человека и невозможность создать идеальный общественный порядокъ на принципѣ выгоды. «О, скажите мнѣ,—восклицаетъ подпольный человекъ,—кто первый провозгласилъ, что человекъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что, если бы просвѣтить, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человекъ тотчасъ же сталъ бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а известно, что ни одинъ человекъ не можетъ дѣйствовать зазнамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно, такъ сказать по необходимости, сталъ бы дѣлать добро? О, младенецъ! О, чистое, невинное дитя! Да когда же, во-первыхъ, бывало во всѣ эти тысячелѣтія, чтобы человекъ дѣйствовалъ только изъ за собственныхъ выгодъ? Что же дѣлать съ милліонами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди зазнамо, т. е. воплиъ понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ не принуждаемые къ тому, а какъ будто именно не желая указанной дороги и

упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, пелѣную, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное—однимъ словомъ, только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается ли разумъ то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ быть, человѣкъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть страданіе то ему равно настолько же выгодно, какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любитъ страданіе, до страсти, и это фактъ». Изъ всѣхъ человѣческихъ способностей первенствующее значеніе социаллисты придаютъ разуму, въ которомъ они видятъ безошибочный критерій человѣческихъ дѣйствій, но «разсудокъ,—говоритъ Достоевскій,—есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка. Разсудокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать, а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всѣмъ, что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и хоть вретъ, да живетъ... Вѣдь я, на примѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобы удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобы удовлетворить одной разсудочной способности, т. е. одной двадцатой всей его способности жить. Разсудокъ не исчерпываетъ всѣхъ способностей человѣка, поэтому стремленіе социалистовъ построить зданіе человѣческаго счастья на удовлетвореніи только разсудочныхъ потребностей находится въ грубомъ противорѣчьи съ природой человѣка.

Но главная слабость социализма заключается въ игнорированіи свободы человѣка. Полагая въ основу социальнаго строя принципъ выгоды, социаллисты въ силу необходимости разсматриваютъ человѣка, какъ существо, лишенное свободы воли, какъ матеріалъ, изъ котораго можетъ быть построено по законамъ механики совершенный социальный организмъ. Достоевскій съ обычной страстностью вооружается противъ такого взгляда на человѣка. Онъ съ очевидностью доказываетъ, что свобода—драгоценнѣйшее достоинство человѣка. Люди сплошь да рядомъ совершаютъ, повидимому, недѣльнѣйшіе поступки, лишь бы только проявить самостоятельное хотѣніе. «Вѣдь я, на примѣръ, несколько не удивлюсь,—говоритъ Достоевскій,—если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой нибудь джентльменъ съ неблагодарной, или лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливой физиономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнутъ ли намъ все это благоразуміе съ одного разу ногой, прахомъ—единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логарифмы отправились къ чорту и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить». Такимъ образомъ всѣ построенія социалистовъ рушатся отъ той простой причины, что, стремясь основать зданіе человѣческаго счастья на принципѣ выгоды, они упустили изъ виду главную выгоду—свободу.

Ничуть не съ меньшей основательностью Достоевскій доказываетъ, что при общественной организаціи, построенной на началахъ выгоды, никогда не могутъ уста-

новиться, провозглашаемая социализмом, братскія отношенія между людьми, ибо источникомъ братскихъ чувствъ служитъ внутреннее влеченіе къ людямъ, безкорыстная любовь къ нимъ, а ужь никакъ не соображенія выгоды. «Социализмъ, видя, что нѣтъ братства,—говоритъ Достоевскій,—начинаетъ уговаривать на братство. Чтобы сдѣлать рагу изъ зайца, нужно прежде всего зайца, но зайца не имѣется, т. е. не имѣется натуры, способной къ братству. Въ отчаяніи социалистъ начинаетъ определять будущее братство, рассчитываетъ на всѣхъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, рассказываетъ кому, сколько отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ. Провозглашена была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для каждого». По вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду». Какъ видимъ, здѣсь идетъ рѣчь не о братствѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а о выгодѣ, идетъ рѣчь не объ обязанностяхъ моихъ къ ближнимъ, а о правахъ моихъ на ближнихъ, отсюда сткрывается торная дорога къ полному попранію братства, открывается широкая дорога къ насилію, разъ насиліе окажется выгоднымъ для меня. Достоевскій съ удивительной убѣдительною доказываетъ на примѣрѣ Раскольниковъ, неизбежность такой эволюціи въ воззрѣніяхъ послѣдовательнаго социалиста. Раскольниковъ въ началѣ романа изображается социалистомъ до мозга костей. Какъ правовѣрный социалистъ онъ считаетъ человѣка не болѣе, какъ матеріальнымъ фактомъ, какъ социалистъ не вѣритъ въ Бога, въ загробную жизнь и въ безсмертіе души. Но въ то же время, будучи человекомъ серьезнымъ, неспособнымъ шутить своими убѣжденіями, онъ не останавливается ни полдорогѣ, а доводитъ свои идеи до конца. Отрицая загробную жизнь, онъ не удовлетворяется, подобно другимъ социалистамъ, мыслью о будущемъ социалистическомъ царствѣ, нѣтъ, онъ хочетъ счастья для себя, онъ хочетъ наполнить блаженствомъ свою жизнь, которая дается ему только одинъ разъ. «Я не хочу дожидаться всеобщаго счастья,—говоритъ Раскольниковъ,—я самъ хочу жить, а то лучше уже и не жить. Что-жъ! Я только не хотѣлъ проходить мимо голодной матери, зажимая въ карманѣ свой рубль, въ ожиданіи всеобщаго счастья». «Несу, дескать, кирпичикъ на всеобщее счастье и отъ того ощущаю спокойствіе сердца. Ха-ха! Зачѣмъ же вы меня то провпустили! Я вѣдь всего однажды живу, я вѣдь тоже хочу». Для достиженія счастья Раскольниковъ разрѣшаетъ себѣ даже насиліе, разъ счастье не дается мирнымъ путемъ. Въ исторіи онъ находитъ полное подтвержденіе своихъ моральныхъ воззрѣній. Большинство великихъ людей: законодателей, завоевателей и т. д. для достиженія своихъ цѣлей не останавливалось предъ нарушеніемъ законовъ, не останавливалось предъ грудой труновъ и моремъ крови, и тѣмъ не менѣе они не только не были прокляты человѣчествомъ за свои преступленія, а, напротивъ, были вознесены людьми

на недостижимые пьедесталы. Въ виду этого, Раскольниковъ создаетъ даже особую теорію, по которой всѣ люди раздѣляются на двѣ категоріи: низшую и высшую. Къ первой категоріи принадлежатъ люди толпы, совершенно лишены духа инициативы и творчества, не имѣющіе и тѣни самостоятельности и оригинальности, а являющіеся лишь покорнымъ орудіемъ высшей породы людей, лишь простымъ матеріаломъ для осуществленія ихъ задачъ. Ко второму разряду относятся люди ума и воли, люди инициативы и творческаго инстинкта, призванные управлять жизнью по своему произволу. Для этихъ людей законъ не писанъ. «Настоящій властелинъ, кому все разрѣшается, громитъ Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, забываетъ армию въ Египтѣ, тратятъ полмилліона людей въ Московскомъ походѣ и отдѣлывается каламбуромъ въ Вильно; и ему же по смерти ставятъ кумиры, а стало быть, и все разрѣшается», разсуждаетъ Раскольниковъ. Себя Раскольниковъ причисляетъ ко второй группѣ, и потому даетъ себѣ нравственное дозволеніе на убійство старухи, чтобы посредствомъ ея денегъ открыть себѣ путь къ счастью. Не для того я убилъ,—признается онъ Сошѣ Мармеладовой,—чтобы матери помочь, вздоръ! Не для того я убилъ, чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества, вздоръ! Я просто убилъ; для себя убилъ, для себя одного». Здѣсь Раскольниковъ уже порываетъ связь съ социализмомъ и становится чистокровнымъ рационалистомъ. Это превращеніе вполнѣ естественно, ибо социализмъ, отрицая существованіе Бога, отрицая загробную жизнь и бессмертіе души, тѣмъ самымъ лишаетъ людей важнѣйшаго стимула къ самоотверженной дѣятельности на общее благо—надежды на посмертное возмездіе, лишаетъ смысла и самый принципъ общественности. Съ особенною рельефностью эта мысль выражена Достоевскимъ устами Ивана Карамазова. «По-моему, говоритъ Иванъ, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ. Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога, то само собою падетъ все прежнее міровоззрѣніе, а главное вся прежняя нравственность и наступитъ все новое... Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣкобогъ. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще, и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему все позволено. Мало того: если даже періодъ этотъ никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и бессмертія все-таки нѣтъ, <то новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ и, ужъ, конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба человѣка, если это понадобится. Гдѣ стану я,—тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... все позволено, и шабашъ!».

Итакъ, отрицаніе Бога неминуемо приводитъ къ полному отрицанію нравственности и къ самозаконодательству. Принципъ же самозаконодательства по самому существу своему есть принципъ антиобщественный. Въ тотъ день, когда принципъ этотъ будетъ усвоенъ всѣми людьми, пробьетъ послѣдній часъ общественной жизни, ибо никто тогда не будетъ считаться ни съ нравственнымъ, ни съ гражданскимъ закономъ, а все будутъ руководиться только своими собственными законами; люди перестанутъ тогда понимать другъ друга и на землѣ наступитъ абсолютный хаосъ и всеобщая гибель. Поэтому-то Достоевскій полагаетъ, что безъ Бога люди никогда не смогутъ построить зданіе человѣческаго счастья.

Въ противоположность социалистамъ, сосредоточивающимъ все свое вниманіе на внѣшнихъ учрежденіяхъ, Достоевскій обращаетъ свои взоры преимущественно на духовное развитіе человѣка, такъ какъ, по его глубокому убѣжденію, безъ нравственнаго усовершенствованія на землѣ никогда не можетъ установиться братство, какіе бы совершенные законы ни издавались людьми, какія бы совершенныя учрежденія ни создавались ими, ибо единственнымъ надежнымъ основаніемъ истиннаго братства служатъ любовь и состраданіе. «Въ братствѣ,—говоритъ Достоевскій,—въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не «я», должна хлопотать о правѣ своей равновѣсности со всѣмъ остальнымъ, а все остальное должно было само придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному «я» и само, безъ его просьбы, должно бы было все свое «я», всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его обществу безъ всякихъ условій». Такимъ образомъ Достоевскій называетъ братствомъ не экономическій союзъ, основанный на началахъ выгоды, а духовное единеніе людей, утверждающееся на безкорыстной любви; необходимымъ условіемъ такого братства является отказъ отъ личныхъ интересовъ въ пользу цѣлаго, а также самоосужденіе, т. е. признаніе себя грѣшникомъ, падшимъ человѣкомъ, виновникомъ не только собственныхъ проступковъ, но преступленій и другихъ людей. Такимъ именно настроеніемъ проникнутъ Дмитрій Карамазовъ. Отправляясь въ тюрьму, онъ говоритъ: «Господа, все мы жестоки, все мы изверги, все плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ—пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь—изъ всѣхъ я самый подлый гадъ! Пусть! Каждый день моей жизни, я, бѣя себя въ грудь, общалъ исправиться и каждый день творилъ все тѣ же пакости». А Маркель, братъ Зосимы, чувствуетъ свою виновность не только предъ людьми, но и передъ внѣшней природой. «Птички Божіи,—говоритъ онъ,—птички радостныя, простите и вы меня, потому что и передъ вами я согрѣшилъ. Да, была такая Божія слава кругомъ меня, птички, деревья, луга, небеса, одинъ я жилъ въ позорѣ, одинъ все безчестилъ, и красы и

славы не примѣтилъ вовсе». Люди, проникнутые такимъ настроеніемъ, не будутъ возлагать, подобно социалистамъ, на другихъ отвѣтственность за свои преступленія, напротивъ, они готовы принять на себя вину въ недостаткахъ окружающей ихъ среды. Сознавши свою виновность передъ всѣми, они все и всѣмъ простятъ и въ свою очередь примутъ прощеніе со стороны другихъ, тогда между людьми будетъ царить братская любовь, тогда на землѣ водворится Царство Божіе.

Однако собственными силами человекъ не можетъ усвоить такого душевнаго состоянія; для этого ему нужна помощь со стороны, свыше, поэтому Достоевскій въ концѣ концовъ приходитъ къ христіанству, какъ незыблемой опорѣ и источнику началу подлиннаго братства. Безъ вѣры же въ Бога и во Христа въ человекѣ неизбежно просыпается чувственная, плотская сторона его природы и всѣми его дѣйствіями руководитъ грубый эгоизмъ. Достоевскій въ цѣломъ рядѣ своихъ героев изображаетъ вліяніе вѣры въ Бога на душевное настроеніе человека и на характеръ его дѣятельности. Раскольниковъ, Иванъ Карамазовъ, Димитрій Карамазовъ, Ставрогинъ, Версиловъ и др.,—въ моментъ невѣрія они бываютъ злыми, жестокими, а въ моментъ вѣры добрыми людьми, способными на самоотверженный подвигъ.

Такимъ образомъ, по мысли Достоевскаго, единственно прочнымъ фундаментомъ для созданія идеальнаго общественнаго строя служить христіанская религія, и притомъ православная, которая одна изъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій сохранила въ чистотѣ Лучезарный Образъ Христа и Его ученіе, тогда какъ католическая церковь, подобно социализму, поклонилась Ваалу—внѣшнему строю, а протестантская—гигантскими шагами подвигается къ атеизму. Возникаетъ вопросъ: «Какіе же могутъ быть у насъ общественные и гражданскіе идеалы помимо Европы?» «Общественные идеалы,—отвѣчаетъ Достоевскій,—лучше вашихъ европейскихъ, крѣпче вашихъ европейскихъ, крѣпче вашихъ и даже—о, ужасъ!—либеральнѣе вашихъ!... Вспомните, что такое и чѣмъ такимъ стремилась быть древняя христіанская Церковь. Началась она сейчасъ же послѣ Христа, всего съ нѣсколькихъ человекъ, и тотчасъ же, чуть не въ первые дни послѣ Христа устремилась отыскивать свою гражданскую формулу, всю основанную на нравственной надеждѣ утоленія духа по началамъ личнаго самоусовершенствованія. Начались христіанскія общины—Церкви, затѣмъ быстро начала созидаться новая, неслыханная дотогѣ національность—всебратская, всечеловѣческая, въ формѣ общей, вселенской Церкви». Церковь—вотъ новый социальный идеалъ, возвыщенный христіанствомъ міру. Постепенное поглощеніе государства Церковью, по мнѣнію Достоевскаго, составляетъ со времени Христа конечную цѣль всей исторіи человечества. «По русскому пониманію,—говоритъ выразитель взглядовъ Достоевскаго старецъ Зосима,—надо, чтобы не Церковь перерождалась

въ государство, какъ изъ низшаго въ высшій типъ, а напротивъ, государство должно кончить тѣмъ, чтобы сподобиться стать единственно лишь Церковью и ничѣмъ инымъ лишь болѣе. Сіе и буди, буди!». «Церковь есть воистину царство, и опредѣлено царствовать, и въ концѣ своемъ должно явиться, какъ царство на всей землѣ»,—говоритъ Достоевскій устами о. Паисія.

Однако мысль Достоевскаго о претвореніи государства въ Церковь не имѣетъ ничего общаго съ ультрамонтанствомъ. У него не Церковь превращается въ государство, нѣтъ. «То Римъ и его мечта. То третье діаволово искушеніе. А, напротивъ, государство обращается въ Церковь, восходитъ до Церкви и становится Церковью на всей землѣ».

Что же понимаетъ Достоевскій подъ Церковью? Онъ называетъ Церковью духовное братство, такой общественный строй, въ которомъ первенствующую роль будетъ играть не внѣшній порядокъ, а внутреннее единеніе и общеніе душъ; въ которомъ въ основѣ взаимныхъ отношеній между людьми будетъ лежать не сухой формализмъ и соображеніе личной выгоды, а начала братскаго уваженія и безкорыстной любви. Тогда-то и воцарится на землѣ такъ страстно ожидаемое человечествомъ Царство Христово, тогда, скажемъ словами Алеши Карамазова, «будетъ правда на землѣ, и будутъ все святые, и будутъ любить другъ друга и не будетъ богатыхъ и бѣдныхъ, возвышающихся и униженныхъ». Священникъ Александръ Третьяковъ.

Во приходамъ епархіи.

ЗАКЛАДКА ХРАМА ВЪ ДЕРЕВНѢ СЕРГИНОЙ, ШЕРЬИНСКАГО ПРИХОДА, ОХАНСКАГО УѢЗДА.

Съ благословенія и разрѣшенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Палладія, Епископа Пермскаго и Соликамскаго, 23-го сего Мая въ дер. Сергиной, Шерьинской волости, Оханскаго уѣзда, торжественно была совершена закладка вновь сооружаемаго усердіемъ жителей названной и смежныхъ съ ней деревень деревяннаго храма, во имя святаго пророка Божія Іліи.

Деревня Сергина—довольно большая, около 70 дворовъ, отъ приходскаго храма отстоитъ въ 13 верстахъ. Живописно раскинувшись въ ложбинѣ, окруженной горами, утопая весною и лѣтомъ въ зелени, изъ-за которой издали привѣтливо выглядываютъ довольно опрятные крестьянскіе домики, деревня производитъ впечатлѣніе пріятное, веселое, но, если заглянуть сюда, да поближе ознакомиться съ скучно-однообразной, монотонной жизнію ея обитателей, то на васъ повеетъ тою глушью медвѣжьяго угла, какихъ много на Руси святой. Населеніе этой мѣстности—трудолюбивое, живетъ отъ своихъ праведныхъ трудовъ (земледѣіемъ) ни богато и ни бѣдно.

Хотя кругомъ немало находится старообрядцевъ разныхъ толковъ и согласій, крестьяне этого района—все православные, издавна отличаются неподдѣльной религіозностью, любовью и отзывчивостью къ нуждамъ приходской церкви, на благоустройство которой, по первому призыву своихъ пастырей, всегда съ готовностью удѣляли и удѣляютъ изъ скудныхъ своихъ средствъ, добываемыхъ исключительно тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ.

Что же касается ихъ умственного развитія и религіозно-нравственного состоянія, то нужно сказать, что оно стоитъ далеко не на должной высотѣ. Объясняется это, главнымъ образомъ, отсутствіемъ въблизи просвѣтительныхъ учреждений: школы и храма.

И вотъ, благодареніе Богу, нашлись добрые люди, вспомнили и о «малыхъ сихъ»: скоро открываютъ здѣсь народное училище, а въ недалгомъ будущемъ построятъ и храмъ Божій, закладка котораго уже совершена.

Мысль о постройкѣ храма впервые возникла года два тому назадъ среди части населенія, которое любитъ посѣщать приходскій храмъ, но вслѣдствіе отдаленности послѣдняго, при плохихъ путяхъ сообщенія съ селомъ, особенно въ распутицу, испытываетъ весьма серьезныя неудобства и затрудненія въ отношеніи удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ. Этой-то частию населенія и признана нужда въ собственномъ храмѣ. Мысль о постройкѣ храма была оформлена приговоромъ Сергинцевъ въ совокупности съ крестьянами сосѣднихъ деревень. Мѣстомъ постройки храма была выбрана деревня Сергина, какъ пунктъ болѣе населенный и близкій къ другимъ сосѣднимъ деревушкамъ и гдѣ въ будущемъ предполагается открыть школу.

Проектъ на новый храмъ составленъ частнымъ чертежникомъ г. Сидоровымъ. Въ Октябрѣ 1909 года закончились все формальности и, наконецъ, получено, къ несказанной радости заинтересованныхъ лицъ, разрѣшеніе на постройку церкви въ дер. Сергиной и члены строительнаго комитета энергично занялись заготовкой разнаго строительнаго матеріала. Срубъ для стѣнъ будущей церкви уже готовъ, а ко дню закладки выкопаны были и канавы.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый день 23-го Мая—день закладки храма. Торжество закладки храма началось наканунѣ всеобщимъ бдѣніемъ. Распорядителями торжества на мѣстѣ будущаго храма, обведенномъ канавами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заложеными бутомъ, былъ устроенъ брезентовый шатеръ, убранный зеленью. Впереди, вокругъ канавы, вырытой подъ фундаментъ для алтарныхъ стѣнъ, на особо прииспособленныхъ помосткахъ установлены вынесенныя изъ мѣстной часовни святая иконы. Въ 6 часовъ вечера, 22 Мая, съ часовой колокольни раздался благовѣсть, призывавшій всехъ къ всеобщему бдѣнію, которое совершалъ о. благо-

чинный, священникъ Анатолий Пономаревъ въ соучастіи трехъ священниковъ: мѣстнаго приходскаго и сосѣднихъ сельъ: Мокинскаго и Говыринскаго, приходскаго діакона и псаломщика. Подъ шатромъ помѣстилось все духовенство и нарочито приглашенный хоръ пѣвчихъ Шерьинской церкви. Погода удалась хорошая и теплая и, какъ нельзя лучше, соответствовала необыкновенной для здѣшнихъ мѣсть обстановкѣ совершенія богослуженія. Всѣ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ молились. Служба окончилась въ 11 часу.

За всенощнымъ бдѣніемъ, предсѣдателемъ строительнаго комитета, приходскимъ священникомъ І. Вознесенскимъ, вмѣсто второй каѳизмы было сказано слово (импровизація), въ которомъ онъ, кратко ознакомивъ слушателей съ житіемъ св. пророка Іліи, въ честь коего посвящается создаваемый храмъ, съ современнымъ ему крайнимъ религіозно-нравственнымъ паденіемъ народа Израильскаго, и, сравнивъ это состояніе съ малоутѣшительной жизнію современныхъ намъ христіанъ, призывалъ молящихся и строителей вещественнаго храма къ духовному возрожденію.

На другой день, 23-го Мая, въ 7 часовъ утра священникомъ Мокинской церкви о. М. Нестеровымъ была отправлена утренняя, а съ 9 часовъ соборно отправлены: часы, послѣдованіе изобразительныхъ и, послѣ прочтенія о. діакономъ Черепановымъ грамоты на закладку, совершено самое чинопослѣдованіе «на основаніе храма». Съ особеннымъ усердіемъ молился народъ и оживленно, съ глубокимъ вниманіемъ, слѣдилъ за совершавшимся чиномъ закладки....

Когда святой крестъ былъ водруженъ въ мѣсто подъ престоломъ, положенъ камень—«краеугольный», съ надписью на особой (цинковой) доскѣ, прочитанной о. П. Конюховымъ и окропленъ св. водой, народъ, благоговѣйно наблюдавшій за дѣйствіями іереевъ, заволновался и чинно посѣшилъ къ мѣсту закладки камня, чтобы вещественно выразить пожеланіе безбѣднаго существованія будущаго храма.

По окончаніи чина закладки, о. благочиннымъ произнесено глубокопрочувствованное и назидательное слово, въ которомъ онъ, обращаясь къ молящимся и въ частности къ строителямъ, поздравилъ ихъ съ совершившимся радостнымъ для нихъ событіемъ, увѣщевалъ ихъ и впредь не ослабѣвать въ усердіи ко храму Божию, соблюдать между собою миръ и согласіе, и въ заключеніе—пригласилъ ихъ помолиться Господу Богу и Покровителю создаемаго храма—св. пророку Божию Іліи. Слово это, произнесенное проповѣдникомъ внятнымъ и громкимъ голосомъ, согрѣтое живымъ чувствомъ, какъ и слѣдовало ожидать, произвело сильное впечатлѣніе и вызвало, какъ мы замѣтили, у многихъ слезы умиленія. Послѣ молебствія св. пророку Іліи, были провозглашены обычныя многолѣтствія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Преосвященнѣйшему Владыкѣ Палладію, жителямъ веси, строи-

телямъ и благотворителямъ создаемаго св. храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Торжество закончилось во 2-мъ часу пополудни.

По окончаніи торжества, заботами членовъ строительнаго комитета духовенству и почетнымъ гостямъ, присутствовавшимъ на церковномъ торжествѣ, были предложены: чай и скромная трапеза, за которой были провозглашены тосты—за здравіе Державнаго Покровителя и защитника св. православной церкви, благостнѣйшаго Архипастыря и—за процвѣтаніе деревни; тосты были покрыты восторженными: «ура» и пѣніемъ «многая лѣта».

Въ заключеніе торжества, отъ лица всѣхъ участниковъ, постановлено было телеграммой чрезъ Его Преосвященство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора вѣрноподданническія чувства безпредѣльной любви и преданности.

Такъ закончилось торжество закладки храма въ деревнѣ Сергиной. Дай Богъ, чтобы не затянулось дѣло постройки храма, когда православные христіане съ радостью потекутъ въ него для утоленія своей духовной жажды. С. I. В.

О ПРИЧИНАХЪ СОВРЕМЕННАГО НЕВѢРІЯ.

Фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что невѣріе распространяется нынѣ съ особенною силою. Врагъ, какъ говорятъ, стоитъ у дверей!.. Христіанство вообще и православіе въ частности встрѣчаетъ необыкновенно ярыхъ противниковъ. Невѣріе наблюдается не только въ средѣ интеллигенціи, но часто и среди простыхъ людей: оно заражаетъ своимъ тлетворнымъ духомъ сердца юныхъ, души еще молодыя, не окрѣпшія.

Существуютъ разные виды и формы невѣрія. Есть невѣріе сознательное, упорное, и существуетъ невѣріе бессознательное, подражательное. Последнее имѣетъ характеръ своего рода моды: «люди ученые не вѣрятъ, почему же мнѣ вѣрить? видно, что все это одни предрассудки». Это жалкое, низкое, постыдное подражаніе!...

Гдѣ же скрывается причина столь распространеннаго нынѣ невѣрія?

«Люди ученые не вѣрятъ». Говорятъ, что невѣрующимъ дѣлаетъ чловѣкъ наука, такъ что выходитъ, что вѣра есть достояніе только людей простыхъ, необразованныхъ. Если бы это была правда, мы наблюдали бы печальнѣйшее явленіе: чловѣкъ умножаетъ свое знаніе для того, чтобы, въ концѣ концовъ, разбить свое существованіе, потерять цѣлостность и единство своего духа, носить въ себѣ самую страшную мучительную дисгармо-

нію. Но, къ счастью, это не такъ: не наука, какъ наука, плодитъ невѣріе, а только наука односторонняя, которая изучаетъ исключительно то, что можно видѣть, осязать, въ чемъ можно опытно убѣдиться, и дальше этого не идетъ. Вѣрно, что чистые математики, чистые естествоиспытатели, чистые физики или химики, не одинъ разъ являются невѣрующими, но это потому, что ихъ знаніе слишкомъ сужено, носитъ слишкомъ специальный характеръ; необходимо расширение умственного кругозора. По словамъ знаменитаго французскаго ученаго Бертелло, есть науки положительныя и есть науки идеальныя, т. е. имѣющія своимъ предметомъ область идеальнаго, сверхчувственнаго. Положительная наука, изучающая только явленія, не должна выступать за предѣлы и рѣшать вопросы, не подлежащіе ея вѣдѣнію. Нѣтъ ничего несправедливѣе заключенія: «этого я не понимаю, это не вмѣщается въ мое мышленіе, а, слѣдовательно, это и не существуетъ». Есть, мой другъ, Гораціо, много такихъ вещей, о которыхъ и не снилось древнимъ мудрецамъ». Твердятъ часто: наука, наука!... Последнее слово науки!... Наука стала какимъ-то идоломъ. Никто, конечно, не отрицаетъ науки и ея великой важности, но нельзя и переоцѣнивать ея значенія. Существуетъ область, выходящая за предѣлы точнаго знанія,—область вѣры, сверхчувственнаго, небеснаго, духовнаго; человекъ совершенно увялъ бы, если бы не было этой идеальной области. Мы высоко цѣнимъ положительную науку, понимаемъ все ея значеніе для жизни, но нельзя забывать, что выводы ея такъ часто бываютъ шатки, колеблются, другъ другу противорѣчатъ и потому, во имя положительной науки, ни въ какомъ случаѣ нельзя отвергать вѣковѣчныя религіозныя истины. Сама, вѣдь, наука часто опирается, какъ извѣстно, на вѣрѣ, т. е. на такихъ предпосылкахъ, которыя не могутъ быть научно доказаны, какъ, напр., происхожденіе жизни, существованіе атомовъ и т. п.

Истинный ученый знаетъ предѣлы своей научной области, которыхъ онъ не долженъ переходить; онъ не переступаетъ положительной научной границы и изъ положительнаго ученаго не становится метафизикомъ. Онъ не вправе отвергать того, къ чему самыя категоріи научнаго мышленія не имѣютъ приложенія. Онъ останавливается передъ этою высшею областью, и рѣшеніе ея вопросовъ предоставляетъ другимъ наукамъ, дающимъ конечное объясненіе изучаемыхъ имъ фактовъ.

Можно, несомнѣнно потерять широту мышленія, занимаясь, напр., постоянно одними какими-нибудь химическими анализами. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ наукою, какъ наукою, а съ однимъ только научнымъ угол-

комъ, въ который замкнулись и который совершенно сдавливаетъ поле нашего умственного зрѣнія, а между тѣмъ, изъ этого уголка желаютъ созерцать весь міръ. Если такая наука плодитъ невѣріе, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и мы не можемъ жаловаться на науку вообще. Нынешняя положительная наука часто принимаетъ именно такой узкій, односторонній характеръ, а потому она стоитъ не одинъ разъ въ разладѣ съ вѣрою. Если одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ бактериологовъ ни во что не вѣритъ, то это произошло отъ того, что всю свою жизнь онъ изучаетъ подъ микроскопомъ разнаго рода бактерій, а на основаніи одной бактериологіи невозможно построить цѣльнаго жизненнаго міросозерпанія. Будешь предаваться мечтамъ, какъ бы сдѣлать старость человека безболѣзненною, но, вѣдь, бактеріи, все равно, рано или поздно, дадутъ о себѣ знать, и одною діэтикою, строгою гигиеною, старости спокойною не сдѣлаешь, а сдѣлаешь ее безболѣзненною, тихою и мирною только вѣра въ жизнь безсмертную, вѣчную. Такъ называемая научная «позитивная этика», опирающаяся на естественныхъ біологическихъ фактахъ, никогда не замѣнитъ собою возвышенной христіанской морали.

Мы повторяемъ давно извѣстную истину, говоря, что врагомъ вѣры является не положительная наука, знающая свои подлинныя предѣлы и истинныя задачи, а наука, переступающая свои законныя предѣлы, вторгающаяся въ область вѣры, которая вовсе не составляетъ предмета «позитивнаго» изслѣдованія, и при томъ—наука узкая, односторонняя. Враждебна вѣрѣ не наука, какъ наука, а враждебно ей невѣжество, не понимающее себя и смѣло рѣшающее всякаго рода вопросы и въ томъ числѣ вопросы самыя трудныя и сложныя, т. е. вопросы религіозныя. Такимъ людямъ можно сказать только одно: поудержитесь; не принимайтесь за рѣшеніе того, чего разрѣшить не могли и величайшіе умы; будьте скромны; вѣрьте въ то, во что всегда вѣрило человѣчество и безъ чего оно жить не могло и не можетъ. Фактъ несомнѣнный, что иногда просто на читались всякихъ нелѣпныхъ анархическихъ и социалистическихъ листовъ и брошюръ, и думаютъ, что постигли уже чуть ли не всю премудрость, на основаніи которой можно крушить направо и налево всякія религіозныя идеи. Наше время, быть можетъ, особенно страдаетъ этимъ дерзкимъ, вызывающимъ невѣжествомъ, посягающимъ на права вѣры. Философы обычно жалуются, что въ ихъ область готовъ вмѣшаться всякій, вовсе къ тому не призванный. Но еще больше на это имѣютъ право сѣтовать богословы, видящіе вторженіе въ ихъ науку богословскаго диллетантизма или невѣжества, прикрывающагося

тѣмъ, что вопросы религіи будто бы каждому близки и имѣютъ общій характеръ.

Часто теперь приходится слышать и такія рѣчи: «я вѣрилъ бы, но—знаете ли тамъ такая внѣшность, обрядность, форма, убивающая буква!» О, эти «духовные христіане»! Кто же вамъ мѣшаетъ внести въ эту внѣшность, если вы принимаете въ ней участіе, духъ животворящій? Кто вамъ сказалъ, что можно жить безъ обрядности, безъ формы, безъ внѣшняго обнаруженія религіознаго чувства? Не самообольщаетесь ли? Быть можетъ, у васъ нѣтъ ничего внутри, а потому и форма для васъ кажется совершенно излишнею и непонятною? Быть можетъ, именно для васъ нуженъ болѣе простой и легкій путь—идти отъ внѣшняго къ внутреннему? Какъ возможно религіозное чувство безъ внѣшняго выраженія, безъ религіознаго символизма? Не забываете ли словъ св. Апостола, такъ снисходительно относящагося къ людямъ немощнымъ совѣстью? Онъ говоритъ: «Кто ѣсть, и не унижай того, кто не ѣсть, и кто не ѣсть, не осуждай того, кто ѣсть, потому что Богъ принялъ его... Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ, и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ. Кто ѣсть, для Господа ѣсть, ибо благодаритъ Бога. И кто не ѣсть, для Господа не ѣсть, и благодаритъ Бога». (Римл. 11, 3—6). Вотъ слова св. Апостола. И послѣ этого мы осуждаемъ простую, искреннюю, сердечную вѣру. Мы слишкомъ горды; мы желаемъ какой то особенной аристократической церкви. Интеллигентъ нашего времени говоритъ, что онъ переросъ простую вѣру. Но лучше сказать, что онъ до нея совсѣмъ не доросъ; ему только кажется, что онъ вѣритъ, а на самомъ дѣлѣ религіозная вѣра у него давно уже исчезла, и онъ только носится съ своею любимою мыслью о «внутренней вѣрѣ», безъ внѣшняго религіознаго обнаруженія.

Нынѣ немало людей, которые серьезно говорятъ: «къ чему это? можно быть добрымъ человѣкомъ, ни во что не вѣруя». Но какъ понимать это: «ни во что не вѣруя»? Вѣрите ли вы въ человѣка,—въ его ничѣмъ незамѣнимую личность? Вѣрите ли въ абсолютную цѣнность добра? Но, это скажутъ, чисто научная вѣра, не имѣющая религіозныхъ предпосылокъ. А опредѣлила ли наука, что такое добро? Не разрѣшается ли для нея это понятіе въ простое признаніе выгоднаго, полезнаго, какое понятіе всегда условно, относительно, ибо что выгодно для меня, то можетъ быть невыгодно для другого. Не является ли для положительной науки человѣкъ простымъ бездушнымъ объектомъ?.... Любовь къ человѣку имѣетъ религіозныя основанія, ибо, стоя на чисто научной точкѣ зрѣнія, можно сказать, подобно нѣкоторымъ соціологамъ, что частная помощь бѣдняку вредна для общества, умножая только нищенство. Кому не извѣстно, какъ часто холодна бываетъ въ своихъ приговорахъ наука. Да и кого разумѣть

подъ этимъ «добрымъ, невѣрующимъ человѣкомъ»? Того, кто не обижаетъ, не грабитъ, не насильничаетъ. Но это чисто отрицательныя качества, которыхъ далеко не достаточно. Никогда нельзя смѣшивать простую корректность съ нравственною добротою. При такомъ смѣшеніи можно назвать добрымъ человѣкомъ и того, кто аккуратно платитъ по своимъ долговымъ обязательствамъ, и самъ не требуетъ получки раньше срока. Безъ религіозной вѣры человѣкъ теряетъ источникъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ побужденій и можетъ руководиться по большей части только узко-утилитарнымъ соображеніемъ: «не вредить, потому, что и мнѣ могутъ причинить вредъ». А велика ли нравственная цѣнность подобныхъ побужденій? «Если любите любящихъ васъ, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ. И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за то благодарность, ибо и грѣшники то же дѣлаютъ. И если займы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники даютъ займы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столько же». (Лук. 6, 32—36). Можно быть корректнымъ человѣкомъ безъ вѣры, но добрымъ человѣкомъ нельзя быть, ибо нравственная доброта есть внутреннее очищеніе души, ея богоуподобленіе. «Любите враговъ вашихъ и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете вы сынами Всевышняго, ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ» (Лук. 6, 35).

Есть люди, которые говорятъ: «мы вѣрили, но теперь потеряли вѣру». Почему же?—«Да потому, что вѣришь и не вѣришь, одинаково страдаешь, одинаково преслѣдуешь тебя несчастье». «Я,—говорила одна мать,—такъ молилась, такъ молилась, но его не стало: я несчастна; я смотрю теперь на жизнь, какъ на игру какихъ то случайностей». Это собственно голосъ не невѣрія, а какого то религіознаго отчаянія. Можно спросить: неужели вы смотрите на вѣру, какъ на какой то договоръ, своего рода контрактъ съ высшимъ абсолютнымъ Существомъ? Молился, просилъ, усердно просилъ и потому долженъ получить просимое, а если не получилъ, то, значить, нѣтъ и Того, Кого просилъ. И почему вы такъ твердо увѣрены, что въ вашей просьбѣ не было ничего своекорыстнаго, эгоистическаго? Откуда извѣстно, что исполненіе вашей молитвы принесло бы вамъ одно только благо? Развѣ жизнь не убѣждаетъ, что именно неисполненіе просимаго оказалось для насъ впоследствии добрымъ? Вы смотрите на вещи съ точки зрѣнія настоящаго, скоропреходящаго момента, но имѣйте въ виду всю свою жизнь и всѣ свои отношенія къ людямъ. Повѣрьте, что все, что дѣлается въ жизни, дѣлается къ лучшему. Есть Высшая Промыслительная рука, направ-

ляющая нашу жизнь ко благу. Не впадайте въ отчаяніе, не теряйте вѣры ради неудовлетворенія вашихъ эгоистическихъ интересовъ. Не принижайте религіи до какого то простаго договора съ Богомъ, ибо религія покоится на внутреннѣйшихъ, святѣйшихъ отношеніяхъ къ Богу,—сыновней любви и покорности.

О причинѣ невѣрія въ Свяш. Писаніи читаемъ: «Свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому, что дѣла ихъ были злы» (Іоан. 3, 19). Невѣріе, безъ сомнѣнія, плодитъ современное матеріалистическое настроеніе, ибо вѣра требуетъ жизни высшей, сообразной съ небеснымъ, духовнымъ. Когда то апостоль Павелъ говорилъ защитительную рѣчь предъ римскимъ правителемъ Фестомъ, человѣкомъ развращенной жизни. Апостоль разъяснялъ то, о чемъ писали Моисей и пророки, какъ имѣющему наступить,—говорилъ о страданіяхъ Христа и воскресеніи Его изъ мертвыхъ (Дѣян. 26, 22, 23). Развращенный римскій правитель, жившій на основѣ эпикурейскаго положенія: «станемъ ѣсть, пить, ибо завтра умремъ», не могъ примириться съ этими христіанскими истинами, такъ какъ онѣ были совершенно чужды его духу и настроенію и заставляли призадуматься надъ всѣмъ безсмысліемъ его доселѣшней жизни. Поэтому онъ не удержался и громкимъ голосомъ сказалъ: «безумствуешь ты, Павелъ! Большая ученость доводитъ тебя до сумасшествія» (Дѣян. 26, 24). Вотъ какъ развращенность жизни плодитъ собою невѣріе! Спасительные глаголы жизни кажутся для нея безуміемъ. Современный матеріалистъ и сенсуалистъ—душевный, по Апостолу, человѣкъ—«не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому, что о семъ нужно судить духовно» (I Корин. 2, 14). Христіанство покоится на идеалистическихъ основахъ, которыя нынѣ въ жизни такъ оскудѣли, ибо ищутъ, главнымъ образомъ, реальныхъ, осязательныхъ выгодъ и преимуществъ. Больше идеализма, и тогда и вѣра, имѣющая своимъ предметомъ область идеальнаго, найдетъ подходящую почву для своего развитія въ нашей душѣ. Нынѣшнимъ матеріалистамъ и сенсуалистамъ нужно отвѣтить словами св. апостола Павла, сказанными римскому правителю: «вѣтъ, достоуважаемый Фестъ,... я не безумствую, но говорю слова истины и здраваго смысла» (Дѣян. 26, 25).

Одинъ изъ видныхъ психіатровъ сказалъ, что атрофія жизни начинается не съ потемнѣнія ума, а съ извращенія нравственныхъ чувствъ. Невѣріе имѣетъ свою основу въ развращенности сердца. Практическій матеріализмъ или аморализмъ ведетъ и къ атеизму теоретическому, ибо естественно нужно какъ-нибудь оправдать свое поведеніе. Сначала человѣкъ вѣрилъ, но нечистое сердце постепенно вытравляетъ эту вѣру.

Нынешний космополитизмъ желаетъ уравнивать все и всѣхъ, забывая,—не говоря, о другомъ,—какъ невыразимо тоскливо и мучительно было бы, при этой всеобщей *égalité*, которой вовсе не знаетъ природа. И въ отношеніи вѣры теперь настойчиво проводить мысль, что всѣ религіи или всѣ вѣры равны. Но какъ понимать это равенство? Въ томъ смыслѣ, что всѣ религіи субъективно удовлетворяютъ тѣхъ людей, которые ихъ исповѣдуютъ? Но мало ли чѣмъ можно удовлетворяться? Нельзя поставить границъ субъективизму и личному вкусу? Я удовлетворяюсь испорченнымъ воздухомъ, не замѣчая его испорченности; я привыкъ къ нему и чувствую въ немъ себя хорошо, не имѣю потребности его перемѣнять. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что всѣ воздушныя атмосферы одинаковы по своей чистотѣ, обилію кислорода, и что я не долженъ стремиться выйти изъ этой вредной атмосферы. Такъ и сущность религіи не можетъ быть опредѣляема субъективною настроенностью, часто стоящею въ безусловной зависимости отъ привычекъ, традицій, иногда просто нашей косности и неподвижности. Нельзя рассуждать: «мнѣ хорошо, а потому это и истинно». Къ чему здѣсь этотъ «релятивизмъ»? Изъ того, что мною это принимается, какъ религіозная истина, не слѣдуетъ, что и на самомъ дѣлѣ это есть подлинная религіозная истина. Если не всѣ науки одинаковы по своей важности, по своему развивающему вліянію, по своему содѣйствию прогрессу человѣчества, не всѣ искусства одинаково воплощаютъ человѣческіе идеалы, то почему же всѣ религіи одинаково выражаютъ религіозныя идеи, такъ, что не можетъ быть здѣсь менѣе совершеннаго и болѣе совершеннаго. Въ области религіи никто не можетъ заставить предпочесть то, что предпочитаетъ другой, но это не значитъ, что здѣсь вездѣ одинаковое совершенство. Та религія выше, которая духовнѣе, а съ духовностью христіанства ничто не можетъ идти въ сравненіи. Это—религія богочеловѣчества, богочеловѣческихъ идеаловъ: въ ней человѣкъ возвышенъ на недостижимую высоту: онъ сынъ Божій, онъ можетъ взывать: «Авва Отче» (Гал. 4, 6); ни одна религія не ставитъ такъ высоко личность человѣка, какъ христіанство. Вся европейская культура созрѣвала и выросла на почвѣ христіанства, подъ его живительнымъ вліяніемъ. Къ чему же эти современныя теософическія рѣчи о равенствѣ всѣхъ религій: и буддизма, и магометанства, и іудейства, и христіанства? Къ чему рѣчи о свободѣ перехода изъ христіанства въ магометанство? Это все равно, что сказали бы: «каждый можетъ свободно перемѣнить здоровую атмосферу на нездоровую». Есть ли смыслъ въ такомъ указаніи? Безразличіе ко всѣмъ вѣрамъ плодитъ собою одно только невѣріе: ибо нельзя дорожить тѣмъ, что, какъ ветхую, поношенную одежду, всегда можно легко замѣнить чѣмъ нибудь новымъ.

Плодятъ невѣріе и современные «богоискатели» и «богостроители», на подобіе М. Горькаго. Они все, подобно язычникамъ, ищутъ Бога, а Богъ явился въ лицѣ Единороднаго Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа. «Мы видѣли славу Его, какъ Единороднаго отъ Отца» (Іоан. 1, 14). «Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца» (Іоан. 14, 9). «Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равенъ Богу» (Фил. 2, 6). «Великая благочестія тайна: Богъ явился во плоти» (Тим. 3, 16). А они все ищутъ Бога!... Перестаньте искать!... Вы Его не найдете, ибо Онъ исчезъ изъ вашего сердца!... До чего довело это богоискательство, видно изъ той безпощадной критики, которую произвели надъ нашею интеллигенціею сами же интеллигенты, приносяще «покаянныя слезы». Вотъ нѣкоторыя мѣста этой критики. «Нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская». «Невѣжество нашей интеллигенціи въ вопросахъ религіи поразительно». «Русскій интеллигентъ не знаетъ никакихъ абсолютныхъ религіозныхъ цѣнностей». «Народное міровоззрѣніе и духовный укладъ опредѣляется христіанскою вѣрою», а «интеллигенція, разрушая народную религію, разлагаетъ и народную душу, сдвигаетъ ее съ ея незыблемыхъ, вѣковыхъ основаній». Увѣруйте, и тогда народъ не будетъ чувствовать къ вамъ недовѣрія и враждебности. «Между вами нѣтъ здоровыхъ людей,—все желчныя, угрюмыя, безпокойныя лица, искаженныя какою то тайною неудовлетворенностью; всѣ недовольны, не то озлоблены, не то огорчены». «Жизнь русскаго интеллигента—личная, семейная, общественная—безобразна и непослѣдовательна, а сознание лишено существенности и силы». Вотъ результаты современнаго богоискательства!

Св. апостоль Павелъ, обличая невѣріе современныхъ ему іудеевъ, говоритъ: «Какъ вѣровать въ того, о комъ не слыжали! Какъ слышать безъ проповѣдующаго? И какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы, какъ написано: какъ прекрасны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благое» (Іс. 52, 7).... Итакъ, вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія. Но спрашиваю: развѣ они не слыжали? Напротивъ, по всей землѣ прошелъ голосъ ихъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ» (Рим. 10, 14—18). Конечно, о невѣрующихъ нашего времени нельзя сказать, что они не «слыжали». Однако, голосъ наученія долженъ раздаваться сильнѣе и энергичнѣе, необходимо сообразоваться съ нуждами и потребностями времени, а главное,—нужно помнить евангельское слово: «кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ» (Матѣ. 5, 19). Невѣріе часто побѣждается не столько доводами ума, сколько чистотою и высокою христіанскою жизнью.

Вѣра даетъ человѣку жизнь, ибо она открываетъ ему область духовнаго, вѣчнаго, небеснаго и придаетъ смыслъ нашему земному существованію. «Безъ вѣры

угодить Богу невозможно, ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть и ищущимъ Его воздастъ» (Евр. 11, 6). «Кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ» (Марк. 16, 11).

Нужно хранить вѣру, какъ драгоценное сокровище; нужно возбуждать и укрѣплять ее и въ другихъ. Одинъ вѣрующій своею религіозною убѣжденностью и доброю жизнью можетъ обратить многихъ невѣрующихъ, а тогда онъ «спасетъ душу» невѣрующаго «отъ смети» «и покроетъ» его «множество грѣховъ» (Іак. 5, 20). Особенно нужно быть внимательнымъ къ подростающему юношеству,—этой нашей надеждѣ и всячески воспитывать въ немъ религіозныя чувства и охранять его отъ вредныхъ анти-религіозныхъ вліяній. («Кіев. Епар. Вѣд.»).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Нѣсколько словъ къ духовному юношеству. Кончился учебный годъ. Изъ стѣнъ нашихъ духовныхъ семинарій вышли сотни молодыхъ людей, полныхъ силъ и искренняго желанія послужить обществу.

«Куда опредѣлить себя по окончаніи курса? Какую избрать профессію и родъ службы?»

Вотъ вопросъ, который несомнѣнно тревожитъ въ настоящее время многія молодые сердца.—Казалось-бы по данному вопросу не должно быть двухъ отвѣтовъ. Духовная семинарія—учебное заведеніе спеціальное. Назначеніе его воспитывать людей для служенія Церкви. Значитъ, лица, учащіяся въ семинаріи, должны по окончаніи ея поступать на служеніе Церкви.

Такъ говоритъ логика, а жизнь представляетъ намъ совсѣмъ иное.

Ежегодно по окончаніи учебныхъ занятій мы наблюдаемъ чуть-ли не массовое бѣгство воспитанниковъ семинаріи на страну далече, руководимыхъ одною мыслию поступить куда угодно и во что угодно, только бы не оставаться въ духовномъ вѣдомствѣ.

И пусть-бы это только были люди, вошедшіе къ намъ со стороны и притомъ иногда не вратами попавшіе во дворъ овчій, но перелзшіе сюда «индѣ». О такихъ-бы и плакать печего, ибо они, скажемъ словами апостола Іоанна, хотя и «вышли отъ насъ, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы съ нами; но они вышли и чрезъ то открылось, что не всѣ наши» (1 Іоан. 2, 19).

Къ глубокому сожалѣнію и печали среди этихъ многочисленныхъ бѣглецовъ встрѣчается не мало юношей, о которыхъ мы, духовные, должны сказать, что они «плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ».

И вотъ этимъ-то нашимъ «роднымъ и близкимъ», но собирающимся покинуть насъ юношамъ, хочется намъ отъ души сказать нѣсколько словъ. Конечно, дай вамъ, Господи, найти въ жизни счастье и благополучіе! Пошли вамъ Господь успѣха и радости на томъ поприщѣ, которое вы избѣрете. Но увѣрены ли вы, что, оставивъ Церковь и измѣнивъ своему призванію, вы найдете въ другомъ мѣстѣ и положеніи счастье и успѣхъ? увѣрены-ли вы, что ваше назначеніе «тамъ», куда вы собираетесь бѣжать, а не «здѣсь» въ Церкви и около Церкви?

Приведемъ слова покойнаго Архіепископа Херсонскаго Никанора, сказанныя нѣкогда духовнымъ юношамъ: «ни одного атома нѣтъ въ вашемъ организмѣ, который не былъ бы принадлежностью Церкви, какъ собственность, купленная цѣною. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлыя поколѣнія вашихъ отцовъ ѣли хлѣбъ церковный, въ домѣ родителей вы выросли на хлѣбѣ церковномъ. Затѣмъ воспитаніе въ учебномъ заведеніи. Вѣдь на чей счетъ въ продолженіи цѣлой четверти вѣка вы живете и получаете свое образованіе? На счетъ пота и крови, черноты и бѣдности, нравственной скудости и невѣжества чернаго русскаго человѣка, стародавняго крестьянина, всегдашняго неизмѣннаго христіанина. Отъ скуднаго прибѣтка своего чернаго труда онъ сегодня, завтра и послѣзавтра несетъ на свѣчку въ жертву Богу свой грошъ. Изъ этихъ жертвенныхъ грошей ежегодно составляются сотни тысячъ жертвъ, посвященныхъ Богу и принадлежащихъ Церкви. И вотъ на счетъ этихъ жертвъ вы съ минуты зарожденія своего росли и выросли, стали носителями умственнаго свѣта, маяками, зажженными во мракѣ ночи. Можете-ли вы отрицать, что являетесь народной жертвой Богу, что вы собственность Церкви до мозга костей своихъ, что вы куплены потомъ и кровью темнаго русскаго православнаго люда для извѣстной церковной жертвенной цѣли, что вы свѣчка, которую русскій человѣкъ зажечь святымъ свѣтомъ, и молится на нее и кланяется, и во время священнослуженія глядитъ на нее и, глядя, радуется, или плачетъ и умиляется».

Но кто-либо изъ духовныхъ юношей возразить: все это справедливо, но что-же мнѣ дѣлать, если я не имѣю призванія, т. е. не чувствую склонности и влеченія къ пастырскому служенію?

Отвѣтимъ также словами Архіепископа Никанора: «Никто не мѣшаетъ тебѣ устроить свою судьбу по собственному желанію такъ или иначе, право выхода изъ духовнаго званія предоставлено. Но разсуди по общенародной логикѣ, не поздно-ли теперь почувствовать отсутствіе призванія? Ты думаешь—больше пользы принесешь на иномъ поприщѣ, а почему знать? Ясно только то, что измѣнить своему призванію—значитъ вступать на путь, избираемый самодумно, а не промысломъ, не прошлою логикой всей твоей жизни указываемый». Подумайте-ка объ этомъ, духовные юноши!

(«Волян. Е. В.»).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Частный повѣренный

Романъ Ивановичъ Гейшъ-Оллисевицъ

принимаетъ по дѣламъ ежедневно, отъ 9 до 10 час. утра и
отъ 4 до 6 час. вечера.

Пермь, Торговая ул., домъ Вяткина, № 79.

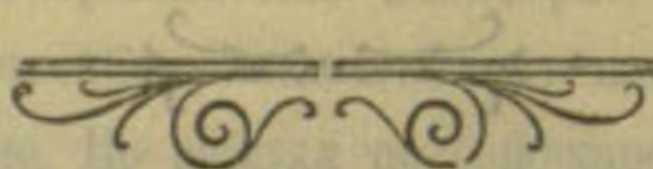
Проекты и сметы

на постройку церквей, часовень, частныхъ и
общественныхъ зданій,
наблюденіе за производствомъ строительныхъ работъ

принимаетъ

А. Я. ШАБРИНЪ.

Г. Пермь, 2-я часть, Екатерининская ул. соб. д. № 122.

СОДЕРЖАНІЕ. 1. Окончаніе экзаменовъ въ Пермскомъ Внархіальномъ женскомъ училищѣ. 2. Соціальные мотивы въ произведеніяхъ *Θ. М. Достоевскаго*. 3. Западка храни въ д. Сергиной шершинекаго прихода, Оханскаго уѣзда. 4. О причинахъ современнаго невѣрія. 5. Извѣстія и замѣтки. 6. Объявленія.
